

§ 1. CITY-STATE И РАННЯЯ КОММУНА

В 60-е гг. XX в. появилась новая парадигма исследований средневекового города, которую можно назвать концепцией city-state,⁷⁷³ в основе которой лежит рассмотрение характера связей между городом и его округой как в области экономики, так и политики. Эта концепция не противоречит «коммунальной» теории города, скорее, можно сказать, что последняя рассматривает его внутреннее социально-политическое устройство, а city-state — его внешние связи.

В рамках теории city-state стало ясным ключевое отличие североитальянских городов от прочих средневековых коммун. Если германские и фламандские города фактически не имели зависимой от них сельской местности,⁷⁷⁴ то итальянские коммуны с момента своего возникновения стремились подчинить себе contado, т. е. окружающую сельскую местность. При этом они, разумеется, сталкивались с соседними коммунами, также стремившимися распространить влияние и власть как можно дальше, что приводило к кровопролитным местным войнам между городами и, как следствие, к подчинению и инкорпорированию в один city-state другого. Известный пример такого большого политического образования это Венеция

773 Не хочу использовать понятие «город-государство», потому что последнее в русской историографии тесно ассоциируется с воззрениями И. Я. Фроянова и его школы на древнерусские города, а связь между этой концепцией и city-state очень мало.

774 Известны некоторые исключения, например Нюрнберг с XIV в.

с ее обширной *terraferma*, т. е. буквально «сушей». Такое развитие было характерно практически для всех коммун Северной и Центральной Италии. Милан, например, уже в середине XII в. начинает вести масштабные завоевательные войны, подчиняя себе Асти и Бергамо. Итальянские коммуны в своей политической риторике апеллировали, скорее, к идеям свободы и независимости, в то время как города к северу от Альп больше стремятся к автономии. В результате в итальянских городах выработалась целая система администрирования *condado* и контроля за ним. По мнению Дж. Киттолини, таким путем в *city-state* зарождались зачатки механизмов государств раннего Нового времени, прежде всего государственная бюрократия. И хотя ни один *city-state*, собственно, так и не вырос в такое государство, однако эти механизмы оказались настолько живучими, что даже с утратой коммунальных свобод и подчинением синьориям в XVI в. города, бывшие столицами своих *city-state*, смогли даже в рамках этих новых «надгородских» синьорий сохранить свое привилегированное положение как в экономическом, так и в политическом смысле. Более того, политические механизмы, созданные *city-state*, и их бюрократический опыт активно использовались захватившими их государствами как минимум вплоть до конца Старого режима.⁷⁷⁵

Другое важнейшее различие между североитальянскими и прочими средневековыми городами заключалось в следующем. В Италии значительную роль в формировании коммуны играли мелкие землевладельцы, зачастую вассалы епископа города, *vavassores* (вассалы вассалов) и министерялы, которые оседали в городах и составляли в некоторых случаях до 30 % населения. Это были *milites* (буквально «воины») североитальянских городов. Они были противопоставлены *pedites* (буквально

775 Chittolini G. *Cities, City-States and Regional States in North-Central Italy // Cities and the Rise of States in Europe, A. D. 1000 to 1800.* Oxford, 1994. P. 28–44.

«пехотинцам»), представлявшим остальное население. *Milites* с детства тренировались как тяжеловооруженные всадники и составляли боевое ядро городского ополчения. Именно наличие в рядах войска такого значительного процента тяжеловооруженной конницы позволяло североитальянским городам успешно конкурировать на поле боя с рыцарскими армиями своего времени. *Milites* были в североитальянских коммунах своеобразным мотором коммунального движения за освобождение от власти епископа или других феодалов.⁷⁷⁶

Они же давали итальянским городам вооруженную силу. Захват коммунами *contado* был облегчен еще и тем, что там располагались личные земли *milites*, на которые стала распространяться власть города. Среди населения итальянских городов существовал значительный процент землевладельцев, что придавало им феодальные черты и было нехарактерно для немецких или фламандских коммун. Это наложило определенный отпечаток на итальянские коммуны, которые в результате так и не стали, в отличие от их заальпийских современников, преимущественно торгово-ремесленными по своему социальному составу. Феодальный характер итальянского города проявлялся и в политических традициях. Вассал был обязан своему сеньору службой и советом (*consilium*): в сознании *milites* коммуна превратилась в коллективного сеньора, и, таким образом, участие в городских ассамблеях стало для них, по мнению Л. Танцини, даже не правом, а обязанностью.⁷⁷⁷

776 Подробнее см.: Jones P. Italian city-states; Maire Vigueur J.-C. Cavaliers et citoyens. Нужно, впрочем, принять во внимание ценное замечание Тома Скотта, сделанное им на основе сравнения роли епископов в формировании коммун к северу и к югу от Альп: если в первом случае епископ всегда выступал как антагонист коммуны, то во втором он зачастую был ее союзником. См.: Scott T. The city-states in Europe, 1000–1600. Hinterland — Territory — Region. London, 2012. P. 214–234.

777 Tanzini L. A consiglio. P. 13–15.

Новгород и Псков в этом смысле ближе к североитальянским city-states, чем к мирным коммуна́м Франции и торговым ассоциациям Фландрии и Германии. Бросается в глаза большая территория, управляемая как Псковом, так и Новгородом, — своеобразное *contado*. Причем характер отношений между городом и округой в случае с древнерусскими городами был тем же, что и в случае с североитальянскими: город правил округой, подчинял ее себе, а не являлся просто ее политическим центром, как это было в случае с античным полисом, или не был противопоставлен феодальной округе, как это было в Средневековье к северу от Альп.⁷⁷⁸ Псков навязывал свою волю пригородам, т. е. подчиненным ему городам. Летописный рассказ Пз о том, как Псков разгневался («оусполевся») на Опочку за казнь «коневого татя»,⁷⁷⁹ показателен в этом смысле. Формально опоччане поступили в полном соответствии с псковской пошлиной, известной нам по ПСГ, согласно которой конокрадство каралось смертью.⁷⁸⁰ Однако жители Опочки повесили конокрада без санкции «мужей псковичей» («без повеления псковского»), единственных, кто мог присудить к смерти на вече перед святой Троицей. Тем самым в глазах Пскова, т. е. его «политического народа», Опочка превысила свои полномочия и была наказана штрафом. Подчиненное положение пригородов демонстрирует и практика присылать туда пригородских посадников.⁷⁸¹ Наконец, «мужи псковичи» заключают мир за пригороды и волость (см. часть I, глава 1, § 3),⁷⁸² что также показывает подчиненное положение последних по отношению к Пскову.

Новгород раньше, а Псков позднее начали использовать определенную политическую риторичку, свойственную прото-

778 Scott T. The city-states in Europe, 1000–1600. P. 214–241.

779 ПЛ. Вып. I. С. 206.

780 ПСГ. С. 37.

781 ПЛ. Вып. II. С. 94; вып. I. С. 36.

782 ГВНП. С. 322.

государственным образованиям: «Псковская держава»,⁷⁸³ «господин Великий Псков»⁷⁸⁴ и т. д. Конечно, вряд ли в этом можно увидеть претензию на полный суверенитет, для Средних веков вообще мало свойственный, но на его фрагментарный вариант по Ч. Тилли несомненно. Такой же тип суверенитета был нехарактерен для средневековых городов Германии и Фландрии, главным устремлением которых была внутренняя автономия и юридическая самостоятельность, но зато был распространен уже в XII в. среди city-states Северной Италии.

Новгород и Псков обнаруживают сходство с североитальянскими городами и в своей внешнеполитической и военной деятельности. Заключение мира с соседями и объявление им войны не были распространены среди германских и фламандских коммун, чьей главной заботой был «мир рынка». Причины, заставлявшие Новгород и Псков вести войны с соседями, были схожими с теми, которые были у городов Северной Италии. Конечно, своих *milites* (переселившихся в города мелких рыцарей) в Новгороде и Пскове не было, но определенная часть псковичей и новгородцев, в отличие от жителей германских и фламандских городов, были землевладельцами, как и *milites*. Вдобавок и Псков, и Новгород, как и итальянские коммуны, выставляли на поле боя не только пешие рати, но и тяжеловооруженную конницу.

Вряд ли можно спорить с тем, что в Новгороде существовало крупное боярское землевладение, хорошо известное нам по писцовым книгам конца XV — начала XVI в., в Пскове же крупного землевладения даже к концу периода самостоятельности не сложилось, но мелкое и среднее, несомненно, присутствовало (см. часть I, глава 2, § 2). Об этом говорят и данные большинства сохранившихся псковских актов, особенно завещания, купчие и дарственные, статьи ПСГ, регулирующие

783 ГВНП. С. 336.

784 Там же. С. 318.

отношения господина и изорника, и, наконец, летописные известия. Кроме того, по крайней мере с XVI в. в Московском государстве существовала практика наделения служилых людей землей, за что они должны были являться на государеву службу «конно, людно и оружно», причем количество выставляемых воинов зависело от размера земельного надела.

В Пскове конца XV в. мы наблюдаем нечто подобное. П1 за 1480 г. содержит глухое известие о решении псковичей выставить «с четырех сох конь и человек». ⁷⁸⁵ Более подробно сообщение П1 за 1495 г.: «И псковичи срубилися з десяти сох человек конный, да и священников и священнодиаконов начали рубити; и священники нашли в правилех святых отец в Манакануне, что написано, яко не подобает с церковной земли рубитися, и посадники псковские и со псковичи... оучали сильно сильно деяти над священники, и лазили многажды на сени и в вечьи и опять оу вече влезли и хотели попов кноутом избесчествовать». ⁷⁸⁶ Традиционно в историографии считается, что «соха» это прежде всего единица налогообложения (посошное обложение), пусть и связанная происхождением с наделом земли. Однако сам контекст словоупотребления этого понятия в П1 за 1495 г. не оставляет сомнения в том, что в данном случае речь идет именно о земле, а не о группе населения, объединенного в «соху». Когда псковичи на вече приняли решение выставить с «десяти сох человек конный», псковское духовенство отказалось это делать, мотивируя это тем, что «не подобает с церковной земли рубитися». Кроме того, вопрос о существовании в Пскове XIV–XV вв. прямого налогообложения в любой форме, включая посошную, остается открытым. Никаких данных об этом нет. А само понятие «соха» встречается в псковских источниках только в упомянутых выше двух случаях в контексте «порубания» конных воинов. Вряд ли

785 ПЛ. Вып. I. С. 76.

786 Там же. С. 81.

вышесказанное позволяет переносить на Псков конца XV в. известное по непсковским источникам XVI в. значение слова «соха» как единицы налогообложения. То есть «соха» в данном случае это именно единица измерения земли.

Итак, в П1 упоминается выставление конного воина с определенного надела земли. До сих пор эта «феодалная» черта псковского войска оставалась без внимания исследователей, хотя П. В. Лукин, полемизируя с И. Я. Фрояновым и его школой, и отмечал уже, что городские полки состояли из людей разного социального положения и по крайней мере часть из них была конная.⁷⁸⁷ Однако остается вопрос, а вся ли городская конница состояла из горожан, явившихся на «конную службу»?⁷⁸⁸ Только сравнение с итальянской коммуной помогло обратить внимание на приведенные выше известия псковского летописания и задаться вопросом о том, каким было псковское войско — исключительно пешим или нет, и заново проанализировать псковский материал в поисках ответа.

Известие П1 за 1495 г. уже разбиралось выше (часть I, глава 1) в связи с вопросом о вечевом суде и неопределенности юрисдикций, что отразилось в метании псковичей от одной судебной инстанции к другой («лазили многожды на сени и в вечьи и опять оу вече влезли»). В данном случае интересно другое. Мы видим, что псковичи могли принять решение выставить с определенного количества сох конного воина: в 1480 г. — с четырех, в 1495 г. — с десяти. Думается, что количество сох, с которых этот воин выставлялся, определялось в каждом случае по-своему, ситуативно, в зависимости от степени военной угрозы. Важно, что это решение было обяза-

787 Лукин П. В. Новгородское вече в XIII–XV вв. С. 479.

788 П. В. Лукин один раз упоминает боярских боевых холопов, не комментируя, впрочем, соответствующее летописное известие: Лукин П. В. Новгородское вече в XIII–XV вв. С. 472.

тельным к исполнению для всех псковичей, а отказ духовенства в 1495 г. воспринимался как эксцесс. Здесь мы видим принцип «единачества», характерный и для Новгорода,⁷⁸⁹ и вообще для тех средневековых сообществ, в которых решения принимались коллективно.⁷⁹⁰ Это то, что еще Бенжамен Констан называл «свободой древних», противопоставляя ее свободе людей Нового времени: индивидуум, даже участвующий в принятии решений, должен был безусловно подчиниться решению сообщества, в котором, когда решение было уже принято, оно считалось единогласным.

Очевидно, следовало выставлять конного воина с земли самих псковичей,⁷⁹¹ точнее, тех псковичей, у которых она была. Вряд ли можно поставить под сомнение то, что часть «мужей псковичей» была землевладельцами, а беднейшая часть — нет (вопрос о том, стоит ли отождествлять последнюю с «черными людьми», остается открытым; см. часть I, глава 1). Последние, вероятно, отправлялись на войну пешими — часть псковского ополчения, и, вероятно, значительная, была именно таковой, землевладельцы же выставляли со своей земли определенное количество конных воинов.⁷⁹² Характерно, что известия о «пурубании» конных воинов с определенного количества земли относится ко второй половине XV в., времени, когда уже, несомненно, сформировалась псковская боярская элита, пусть и не обладавшая такими большими земельными наделами, как новгородская. Но и до этого в псковских летописях, начиная с известий за 1326 г., мы встречаем множество упоминаний того, что часть псковского войска

789 Там же.

790 *Tanzini L. A consiglio.*

791 Несомненно, что псковичи требовали и от подчиненных им «пригорожан» и «волощан» участвовать в боевых действиях: «Совокупишася псковичи с пригорожане и со всеми людьми».

792 См.: ПЛ. Вып. I. С. 16, 20, 30.

была конной.⁷⁹³ Причем контекст этих упоминаний не позволяет зачастую увидеть в этих конниках княжеских дружинников. Так, например, в известии П1 за 1347 г. говорится: «Руда, поп борисоглебский, Лошаков внук, поверг коня, щит и вся оружия брани, побеже поп с побоища».⁷⁹⁴ Руда не мог быть княжеским дружинником по двум причинам. Во-первых, в силу своего сана, а во-вторых, потому, что князь в это время отсутствовал в псковской войске.⁷⁹⁵ Заметим, что Руда вступил в бой конным и, по-видимому, хорошо вооруженным, так как под «вся оружия брани» вряд ли подразумевается только наступательное вооружение.

На протяжении XIV–XV вв. мы имеем немало сведений о гибели в битвах представителей псковской элиты — посадников и бояр,⁷⁹⁶ которые, вероятно, землевладельцами были, а следовательно, видимо, имели возможность отправляться в поход на коне. В этом смысле вышеприведенный пример с Рудой не исключение, так как это не безвестный представитель псковского духовенства, а «Лошаков внук», как предположил А. Е. Мусин, связанный с родом дружинника Довмонта Антона Лочкова.⁷⁹⁷ Так это или нет, но само наличие наименования по деду говорит о значимости рода, к которому принадлежал Руда. Одним словом, уже с XIV в. часть псковского ополчения, вероятно более состоятельные и знатные воины, отправлялась на войну верхом. Неизвестно, существовал ли до второй половины XV в. обычай выставлять конных воинов с определенного надела земли, однако к тому времени, когда он фиксируется (вторая половина XV в.), Псков уже давно обладал собственной конницей. В этот период

793 ПЛ. Вып. I. С. 16, 20, 30.

794 Там же. С. 12.

795 Там же.

796 См. там же. С. 11, 15, 29.

797 Мусин А. Е. Церковь и горожане... С. 65.

перед нами вполне феодальный принцип комплектования псковского войска: землевладельцы являлись на войну «конно, людно и оружно», в то время как остальные слои псковского общества — вероятно, сообразно со своими финансовыми возможностями. Из всего вышесказанного следуют три важных вывода.

Во-первых, сам Псков, выставляя на поле боя какое-то число конных воинов (вряд ли легковооруженных, так как те, кто мог позволить себе коня, могли купить и доспех), как это делали и североитальянские коммуны, обладал определенной военной мощью и воинским опытом (заметим, что это частично конное псковское ополчение с переменным успехом сражалось с ливонцами и без князя),⁷⁹⁸ что позволяло ему вести войны с соседями и быть полноценным игроком внешней политики. Возможно «городской» конницы было недостаточно, в частности поэтому Пскову постоянно требовался князь с дружиной.⁷⁹⁹ Только таким образом или с великокняжеской помощью Псков добивался военного паритета с Ливонией в случае самых серьезных конфликтов.

Во-вторых, по отношению к землевладельцам псковичам Псков, т. е. «мужи псковичи», включавшие в себя землевладельцев, но не ограничивавшиеся ими, выступал как коллективный феодал, требуя от последних «конную службу», что в точности соответствует ситуации с *milites* североитальянских коммун. Конечно, это не могло вызвать такого эффекта, как в североитальянских городах, где *milites* начали переносить на коммуну, как на коллективного сеньора, свои вассальные обязательства. Соответственно, участие в ассамблее

798 ПЛ. Вып. I. С. 12, 20.

799 Вспомним сожаления летописца об отъезде из Пскова князя Александра Чарторыйского: «Попрощався на вече: яз де вам не князь. А двора его кованой рати боевых людей зоо человек, oprичь кошовых» (Там же. С. 58).

не стало обязательством, как в Италии,⁸⁰⁰ однако сам характер обязательств был схож.

В-третьих, в XIV–XV вв. в Западной Европе господство тяжелой вооруженной конницы пошло на спад. Битва при Куртрэ и сражения Столетней войны показали, что обученная пехота может ей противостоять. Появлялось все больше профессиональных солдат неблагородного происхождения, роль рыцарской кавалерии уменьшалась. С появлением ручного огнестрельного оружия ситуация усугубилась. Через восемь лет после описанных выше псковских событий 1495 г. в битве при Чериньоле в 1503 г. вооруженная мушкетами испанская пехота разгромила превосходившую ее численно французскую тяжелую кавалерию, с чего принято отсчитывать эпоху господства огнестрельного оружия.⁸⁰¹ В итальянских городах XIV–XV вв. уже не было *milites* и *pedites*, они растворились в общей массе граждан, а сложные социальные процессы XIII–XIV вв. придали городским сообществам Северной Италии новое лицо. В качестве вооруженных сил коммуны вместо городской милиции фигурировали все чаще наемные *condotieri* со своими профессиональными отрядами.

В Восточной Европе ситуация была несколько иной. Здесь еще долго именно кавалерия была основной ударной силой, и забота псковичей о «порубании» конных воинов понятна. Видимая корреляция между военными возможностями города и степенью его независимости подталкивает нас, как и вся предыдущая историография, к тому, чтобы искать типологическое сходство Новгорода и Пскова XIV–XV вв. не с современными им, а с более ранними североитальянскими *city-states*, в которых еще были *milites* и *pedites*, т. е. с коммунарами в начальной стадии своего развития в XI — начале XIII в.

800 *Tanzini L. A consiglio.*

801 *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Новое время. Т. 4. СПб., 1997. С. 129–132.*

К этому же нас подводит и сравнение древнерусского и западноевропейского города. Исследования и М. Н. Тихомирова (1960-е гг.), и Л. Штайндорфа (2000-е гг.), хотя и не это было их целью, показали (см. выше, часть II, глава 3, § 3), что синхронное сравнение русского и европейского средневекового города показывает определенную отсталость и архаичность первого по сравнению со вторым. Действительно, как нельзя найти в древнерусском городе XIII в. развитую систему профессиональных объединений, так нельзя обнаружить в псковских источниках XIV–XV вв. намек на существование таких признаков развитой коммуны, как городской совет и институт гражданства. Точно так же сравнительное исследование Р. Хаммель-Кизова (см. часть II, глава 3, § 4), целью которого было показать, что Новгород коммуной не был, продемонстрировало, что он был несхож с северогерманскими городами Ганзы, но, напротив, сопоставим с городами Северной Италии.

Общими для ранней итальянской коммуны (или *city-state*) и для Пскова являются и условия, в которых произошло их становление: отсутствие сильной центральной власти и развитие торговли. В этом же смысле показательно, что и в Пскове XIV–XV вв., и в ранней коммуне происходили схожие процессы: города росли, их население увеличивалось, а также, о чем подробнее пойдет речь ниже, происходила кодификация права и шел рост письменной культуры.

Все это вместе взятое приводит нас к мысли, что именно ранние североитальянские *city-states* на заре своего развития в XI–XII вв. (периода так называемой «первой» коммуны — *il primo comune* (ит.)) следует сопоставлять с Псковом (и Новгородом) XIV–XV вв., а сам наш компаративный анализ приобретает синхростадиальный характер, т. е. такой, при котором сравниваются явления синхронные не по времени, а по стадии развития. Следует уточнить, как мы понимаем стадию. Речь идет не об обязательной ступени развития, которую

непрерывно должны проходить любые общества, а лишь о возможном варианте развития, возникавшем в схожих условиях в разных культурах.

«Ранняя», или «первая», коммуна — термин, введенный в научный оборот итальянской историографией и используемый в основном применительно к южнофранцузским и североитальянским городам. Возник он еще в первой половине XX в., когда сформировались основные направления изучения средневекового города.

Поскольку консулы североитальянских городов упоминаются в источниках во второй половине XI — начале XIII в., после чего их сменяют подеста (*podestà* (*ит.*)) — новый тип городского магистрата, всю эпоху консулов обычно называют «первой коммуной», а следующую за ней — «высокой» или «второй». В историографии же по германским городам, в которых такой смены системы управления не произошло, нет и разделения на две коммунальные эпохи.

Однако, как заметил Хаген Келлер, опираясь на первые известия о консулах в том или ином городе, мы рискуем принять за действительный факт возникновения коммуны то, что является следствием фрагментарности наших источников.⁸⁰² Эта мысль нуждается в пояснении. В Асти консулы упоминаются впервые в 1095 г., в соседней Альбе только в 1179 г., в Вертичелли в 1141 г., в Комо в 1109 г., а в Милане в 1117 г. До нас дошло немногим более 20 документов с упоминанием консулов в ломбардских городах за XII в., причем они самым случайным образом распределены между разными городами.⁸⁰³ Очевидно, что подход к вопросу о времени возникновения коммуны, основанный на упоминании первых магистратов, не подходит для поиска ответа.

802 Keller H. Gli inizi del comune in Lombardia: limiti della documentazione e metodi di ricerca // *L'evoluzione delle città italiane nell'XI secolo*. P. 45.

803 Ibid. P. 49.

Поэтому возникло новое направление в изучении итальянской ранней коммуны, в котором фокус оказался смещен с элит городского населения и консулов, к этим элитам принадлежавшим, на проблемы совместного действия, обсуждения и принятия политических решений на городских ассамблеях. В рамках этого направления и само явление коммуны было удревнено, ибо, как констатировал Х. Келлер, «уже около 1060 г. городские ассамблеи принимали решения, обязательные для всех горожан».⁸⁰⁴ В XXI в. это направление исследований средневекового города стало основным. Так, в 2003 г. альманах “Le genre humain” вышел под заголовком “Qui veut prendre la parole?” («Кто хочет взять слово?»), а его главной темой стала проблема обсуждения и принятия решений коллективными институтами в разное время и в разных культурах. Центральное место в томе заняла тема итальянских ассамблей периода ранней коммуны.⁸⁰⁵ Схожие идеи в это же время высказал и Джулиано Милани, в работе которого, посвященной механизму исключения из коммуны (на примере в первую очередь Болоньи), в роли одного из главных протагонистов выступает «политический народ» коммуны, собравшийся на ассамблее.⁸⁰⁶ Жан-Клод Мэр Вигёр посвятил монографию роли рыцарской культуры в формировании коммунального сознания.⁸⁰⁷ Наконец, в 2014 г. вышла работа Л. Танцини — первая монография, целиком посвященная раннекоммунальной ассамблее и ее дальнейшим трансформациям.⁸⁰⁸

Итак, исследовательский фокус в изучении ранней коммуны сместился с рассмотрения городских элит на изучение

804 Ibid. P. 54.

805 Le genre humain. Qui veut prendre la parole? Paris, 2003.

806 Milani G. Esclusione dal comune. Conflitti e bandi politici a Bologna e in altre città italiane tra XII e XIV secolo. Roma, 2003.

807 Maire Vigueur J.-C. Cavaliers et citoyens.

808 Tanzini L. A consiglio.

горизонтальных связей коммунального общества в политической плоскости. Одновременно социально-экономическая проблематика сменилась на социально-политическую. Такой перенос потребовал от исследователей пересмотреть свое отношение к источникам.

Предыдущая историографическая парадигма, связанная с изучением элит, не сталкивалась с проблемой нехватки источников, так как большая часть дошедших до нас документов по истории городов XI–XIII вв. — это частные земельные акты, сохранившиеся благодаря церковным и монастырским архивам. Эти материалы позволили проследить истории отдельных знатных семей, их взлеты и падения.⁸⁰⁹ Заметим, однако, что такое преобладание частного акта, связанного с землевладением и церковью, над другими типами документов не должно вводить нас в заблуждение. Лучшая сохранность земельных актов говорит лишь о лучшей сохранности церковных архивов. Игнорируя этот факт, мы, как заметил Арнольд Эш, рискуем сделать Средние века еще более аграрными и еще более церковными, чем они были на самом деле.⁸¹⁰

Но для исследований социально-политического устройства городов, ассамблей, их функционирования частные акты по большей части непригодны, в них не отражаются необходимые подробности политической жизни города. Публичных актов итальянских городов XI–XIII в. сохранилось сравнительно мало. Таким образом, исследователи новой «эгалитистской» или «ассамблейной» парадигмы были вынуждены обратиться к нарративным памятникам, дополненным немногими дошедшими до нас публичными актами. При этом перед историком возникает задача соотнесения понятийных

809 *Schumann R. Authority and Commune, Parma 833–1133. Parma, 1973. P. 52–65.*

810 *Esch A. Überlieferungs-Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers // Historische Zeitschrift. 1985. Bd. 240. S. 529–570.*

аппаратов нарративных и документальных источников, которые зачастую разнятся.⁸¹¹ Но и историк, занимающийся Новгородом или Псковом XIII–XV вв., испытывает те же затруднения. Нехватка документальных источников при относительном изобилии нарративных порождает необходимость соотнести данные одних с данными других.

§ 2. ПСКОВСКИЕ И РАННЕКОММУНАЛЬНЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Акты. Первая бросающаяся в глаза параллель между итальянскими ранними коммунами, с одной стороны, и Новгородом и Псковом, с другой, состоит в том, что в русских городах основной массив дошедших до нас грамот имеет частный характер и сохранился в составе сборников, происхождение которых связано с церковью. В этом отношении особенно показателен пример Пскова. Более половины известных нам сейчас псковских актов были найдены Л. М. Марасиновой в поздних списках XVII в. в столбцах поместно-вотчинных книг, связанных с псковскими церквями и монастырями.⁸¹² Причем хотя общий объем частных актов для итальянских коммун этого периода значительно превышает количество сохранившихся не только псковских, но и новгородских документов, тем не менее по каждому итальянскому городу, взятому отдельно, это не так.

Больше всего документов (более 3700 единиц) за XII в. дошло по городу Лукка.⁸¹³ При этом это ничтожно малая часть

811 Так, например, нужно ли приравнивать *iudices* документов к *capitanei* хроник, *milites* к *cives maiores*, а *pedites* к *cives minores*? См.: *Dilcher G. I comuni italiani come movimento sociale e forma giuridica // L'evoluzione delle città italiane nell'XI secolo. P. 71.*

812 *Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты.*

813 *Keller H. Gli inizi del comune in Lombardia. P. 57.*